

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В 1917—1924 гг.

А. И. Сизоненко

Вопросы внешней политики и международных отношений Советского государства в первые годы его существования уже довольно обстоятельно исследованы в нашей литературе. Однако один из аспектов этой темы освещен еще крайне неполно. Речь идет о советско-латиноамериканских отношениях в 1917—1924 гг.— до признания Советского Союза первой из стран Латинской Америки — Мексикой. Их начальный период (1917—1920 гг.) до настоящего времени вообще специально не затрагивался ни в советской, ни в зарубежной литературе. Периода же 1921—1924 гг. касались лишь мимоходом отдельные советские исследователи¹. Так, А. Е. Иоффе предпринял попытку «дать общий обзор советско-латиноамериканских отношений в политической и экономической сфере за первые 20 лет существования Советской страны». Этот обзор охватывает главным образом вторую половину 20-х — 30-е годы. Что касается периода 1917—1924 гг., то автор упоминает лишь эпизод, связанный с деятельностью аргентинского поверенного в делах в России, и кратко сообщает о ходе переговоров между СССР и Мексикой об установлении дипломатических отношений (1923—1924 гг.). В. М. Марченко отмечает зависимость от США латиноамериканских стран, а также отсутствие сколько-нибудь развитых экономических и дипломатических связей последних с Россией в дореволюционный период. Автор приводит отдельные факты, свидетельствующие о заинтересованности Уругвая и Аргентины в торговле с Советской страной (1922—1923 гг.), а также кратко характеризует советско-мексиканские переговоры о нормализации дипломатических отношений. Во второй главе монографии «СССР и Латинская Америка. 1917—1967» раскрываются мотивы, побудившие Мексику признать СССР, освещается ход советско-мексиканских переговоров, дается оценка их результатов, сообщается о торгово-экономических контактах между СССР, с одной стороны, Аргентиной, Уругваем и Панамой — с другой. Указанные выше работы написаны главным образом на основе советских материалов, иностранные же источники, и в первую очередь латиноамериканские, в научный оборот почти не вводились. Несмотря на некоторый шаг вперед в деле изучения отношений Советского государства с Латинской Америкой в первые годы его существования, совершенно не исследованным продолжает оставаться период гражданской войны и империалистической интервенции 1917—1920 гг., в том числе позиции Бразилии и Аргентины в отношении молодой Советской республики в то время.

¹ А. Е. Иоффе. СССР и Латинская Америка (Политические и экономические отношения до второй мировой войны). «Новая и новейшая история», 1965, № 5; В. М. Марченко. Первые шаги советской дипломатии в установлении политических и экономических связей со странами Латинской Америки в 20—30-е годы. «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории. 1966, № 2; «СССР и Латинская Америка. 1917—1967». М. 1967, гл. II.

В настоящей статье делается попытка на основе новых советских и латиноамериканских источников и исследований² дать картину последовательного развития дипломатических и торговых контактов и связей между Советской Россией и странами Латинской Америки в 1917—1924 гг., до признания СССР Мексикой. Освещение этой проблемы представляется особенно актуальным в связи со значительным расширением в 60-х—начале 70-х годов советско-латиноамериканских отношений, а отсюда и возросшим интересом к периоду, когда закладывались их основы. Политическая актуальность этой тематики подчеркивается необходимостью разоблачения буржуазных авторов, искажающих политику СССР в отношении Латинской Америки. Примером того, как реакционные советологи фальсифицируют эти отношения, является выступление С. Клиссольда (Англия) на симпозиуме, организованном институтом по изучению СССР в Мюнхене в 1968 году³.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции в России действовали миссии Аргентины, Бразилии, Боливии, Мексики, Уругвая, Чили, а также консульства Коста-Рики, Кубы, Панамы и Перу⁴. Наиболее активные отношения Россия поддерживала с Бразилией и Аргентиной, которые имели дипломатические отношения с Россией еще с XIX века. Между Россией, с одной стороны, Бразилией и Аргентиной — с другой, существовали, хотя и небольшие по объему, торговые связи⁵ (в 1913 г. объем торговли России с Бразилией составил 500 тыс. рублей⁶). Во время первой мировой войны Россия и Бразилия находились в одном лагере (Аргентина придерживалась политики нейтралитета).

Советское правительство с первых же дней своей деятельности выступило за укрепление и развитие отношений со всеми странами мира. «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами...» — говорил В. И. Ленин корреспонденту «The Chicago Daily News» 5 октября 1919 года. В другом интервью, американскому журналисту К. Виганду 18 февраля 1920 г., на вопрос: «Готова ли Россия вступить в деловые сношения с Америкой?» — В. И. Ленин ответил: «Конечно, готова, как и со всеми странами». В. И. Ленин отмечал также, что возглавляемое им правительство будет проводить твердый курс на «мирное сожительство»⁷ с зарубежными народами, то есть заявил о проведении Советской страной политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Таким образом, содержание и направление ленинской внешней политики открывали все возможности для развития и советско-латиноамериканских отношений.

Правительства Бразилии, Аргентины и других латиноамериканских стран, однако, отказались признать Советское государство. «Когда 7 ноября 1917 г. большевики свергли Керенского и создали Республику Советов,— отмечают бразильские историки М. Бандейра, К. Мело и А. Андраде,— Итамарати (название дворца, где размещается бразильский МИД.— А. С.) практически игнорировал этот факт... Из-за отсутствия чувства исторической интуиции (немногие поняли настоящее значение этого явления) правда об Октябрьской социалистической революции не была должным образом оценена официальными кругами Бразилии. В историческом архиве Итамарати не встретишь ни инструкций, ни выступлений тогдашнего министра иностранных дел Нило Песанья, ни телеграмм и сообщений от поверенного в делах Бразилии в России Виан-

² Среди них следует отметить монографию бразильских исследователей о влиянии революции 1917 г. на Бразилию. См. M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. O ano vermelho. A Revolucao Russa e sous reflexos no Brasil. Rio de Janeiro. 1967.

³ «The Soviet Union and Latin America». N. Y. 1970.

⁴ АВПР. «Ежегодник Министерства иностранных дел за 1917 год». Пгг. 1917.

⁵ Подробно о них см.: Н. В. Королев. Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962 гг.). Кишинев. 1962.

⁶ «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918—1966». М. 1967, стр. 233.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 209; т. 40, стр. 145, 147.

на Келша о «десяти днях, которые потрясли мир». Правительство продолжало признавать представителя Керенского дипломата Александра Щербачкого, чрезвычайного посланника и полномочного министра, так, словно ничего не произошло»⁸.

Аналогично поступило и правительство аргентинского президента И. Иригойена. Посланник этой страны в России М. Кампос 14 января 1918 г. получил верительные грамоты, подписанные Иригойеном, но для аккредитации при... Временном правительстве, которого, как известно, уже не существовало. Дальнейший ход событий показал, что правительство Аргентины вообще не собиралось признавать Советскую республику. Отвечая в 1928 г. в палате депутатов на запрос о состоянии аргентино-советских отношений, министр иностранных дел Аргентины А. Гальярдо заявил, что поскольку в 1917—1918 гг. дипкорпус в Петрограде отказался признать Советское правительство, постольку и аргентинский посланник не вступил с ним в официальные контакты⁹. Когда в январе 1918 г. дипкорпус во главе с послом США Френсисом посетил В. И. Ленина, для того чтобы вручить протест по поводу ареста советскими властями румынского посланника Диаманди, в числе других дипломатов на этой встрече присутствовали главы дипломатических миссий Аргентины и Бразилии, подписавшие этот протест. Они были представлены Френсисом В. И. Ленину¹⁰.

Выше уже говорилось о том, что в архиве Итамарати нет документов, связанных непосредственно с Октябрьской революцией. Первое сообщение, касающееся деятельности Советского правительства, датировано 15 февраля 1918 года. Это была телеграмма от Вианна Келша, в которой он сообщил о решении Советского правительства прекратить войну с Германией и Австрией. В другой телеграмме того же периода Вианна Келш просил разрешения передать защиту бразильских интересов в Советской России норвежской миссии в Петрограде¹¹. В конце февраля 1918 г. Вианна Келш вместе с другими представителями дипкорпуса выехал в Вологду. Дипломаты капиталистических держав написали там «Воззвание к русскому народу», свидетествовавшее о подготовке их правительств к вооруженной интервенции в России. Под «Воззванием» стояла подпись и Вианна Келша¹². Хотя бразильские войска и не участвовали в интервенции против Советской России, присоединение Вианна Келша к данному заявлению говорит о том, что Бразилия солидаризировалась с политикой Антанты в отношении Советской России. В конце июля 1918 г. весь штат бразильской миссии во главе с поверенным в делах в составе дипкорпуса покинул Россию через Архангельск и Кандалакшу. Дипломатические отношения между СССР и Бразилией были установлены только 2 апреля 1945 года.

Враждебное отношение буржуазного правительства Бразилии к Советской стране выражалось и в оказании материальной поддержки дипломатическому представительству Временного правительства в Рио-де-Жанейро. Когда в начале 1918 г. это представительство оказалось без денег и обратилось за помощью к бразильскому правительству, министр иностранных дел Нило Песанья распорядился (1 июня 1918 г.) о предоставлении посольству 20 тыс. милрейсов ввиду «критического положения иностранного представителя дружественной страны»¹³. В следующем, 1919 г. распоряжением № 136 от 14 мая правительства Бразилии выделило представительству Временного правительства еще

⁸ M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. Op. cit., pp. 319—320.

⁹ «La Prensa» (Buenos Aires), 6.VI.1946.

¹⁰ «Правда», 16.I.1918.

¹¹ M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. Op. cit., p. 323.

¹² М. С. Кедров. За Советский Север. Л. 1927, стр. 67; М. К. Ветошкин. Революция и гражданская война на Севере Вологда. 1927, стр. 189.

¹³ M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. Op. cit., p. 320.

25 тыс. мильрейсов. Спустя немногим более полугода, 22 января 1920 г., поверенный в делах «русского посольства» Г. Брандт¹⁴ вновь обратился за помощью, отметив при этом, что положение «хотя и ухудшается», но еще остаются некоторые «надежды» на победу белогвардейцев. Бразильское правительство в ответ на эту просьбу открыло Г. Брандту кредит из фонда национальной обороны. Миссия во главе с Брандтом продолжала существовать в Рио-де-Жанейро до конца 1920 года. Только после разгрома Врангеля судьба этого посольства была решена. В письме от 20 ноября 1920 г., направленном в МИД Бразилии, Брандт сообщил, что, согласно распоряжению «директора дипломатической службы правительства Юга России», он должен закрыть консульство и посольство. 15 декабря 1920 г. Г. Брандт передал все его дела в архивы МИД Бразилии¹⁵.

Бразильское правительство проявило враждебность в отношении Советской России и своими действиями в области внутренней политики. В 1918 г., опасаясь влияния Великой Октябрьской социалистической революции на Бразилию, оно запретило въезд в страну политических эмигрантов из Европы. В феврале 1920 г. начальник бразильской полиции Насименто-и-Сильва на конференции начальников полиции стран Южной Америки подчеркнул особую опасность, исходящую якобы из Советской России, указав на распространение в Бразилии текста Конституции РСФСР и советской литературы¹⁶. В то же время бразильское правительство широко распахнуло двери перед потоком эмигрантов, хлынувшим в страну после разгрома белогвардейщины. Около 40 тыс. их приехало тогда в Бразилию. Полиция вербовала из них охранников для капиталистических предприятий, разгоняла с их помощью забастовщиков и демонстрантов¹⁷.

Другое крупнейшее государство Латинской Америки, Аргентина, также не признало Советскую республику. Однако в ряде аспектов ее отношение к Советской стране отличалось от линии бразильского правительства, что в известной степени было связано с политикой президента И. Иригойена (1916—1922 гг.). Миссия Аргентины в феврале 1918 г. не последовала с дипкорпусом в Вологду, а осталась в Петрограде. В сентябре 1918 г. посланник Аргентины М. Кампос уехал из России, оставив вместо себя советника Х. Навейлана. Последний одновременно представлял также интересы Греции и Румынии¹⁸. Советское правительство знало о проводимой аргентинским правительством политике нейтралитета и учитывало это в своих действиях. Как отмечал аргентинский буржуазный историк А. де Юлиис, в 1918 г. представительство Аргентины в Петрограде, несмотря на сложную обстановку, пользовалось уважением со стороны советских властей¹⁹. Весной 1919 г. ими было заявлено Навейлану, что, хотя Аргентина и не признала Советское правительство, они принимают во внимание ее политику нейтралитета²⁰.

Однако вскоре ситуация изменилась. Во время массовых обысков в Петрограде в июне 1919 г. (в том числе и в зданиях иностранных посольств), проводившихся с целью выявления контрреволюционных элементов в городе, в румынском посольстве было обнаружено артиллерийское орудие. Вполне естественно, что Навейлан, представлявший интересы Румынии, получил ноту с предупреждением, что Советское правительство не может допустить, чтобы Аргентина защищала интересы уча-

¹⁴ Посланник России в Бразилии А. Щербачкий в ноябре 1917 г. находился в Монтевидео, так как являлся одновременно посланником России в Уругвае, и в дальнейшем в Бразилию не вернулся.

¹⁵ M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. Op. cit., pp. 320, 325.

¹⁶ «Очерки истории Бразилии». М. 1962, стр. 257—258.

¹⁷ M. Bandeira, C. Melo e A. T. Andrade. Op. cit., p. 264.

¹⁸ «La Prensa», 7.VI.1946.

¹⁹ A. de Iulius. Relaciones diplomáticas ruso-argentinas. Buenos Aires. 1946, p. 31.

²⁰ «La Prensa», 7. VI.1946.

стников антисоветской интервенции. Однако Навейлан не внял этому предупреждению, в связи с чем в 1920 г. был задержан, а затем выслан из Советской России²¹. На этот эпизод в дальнейшем неоднократно ссылались силы реакции в Аргентине при проведении антисоветских кампаний и особенно для оправдания отказа аргентинского правительства установить дипломатические отношения с СССР. «Этот факт,— писал аргентинский буржуазный историк И. Р. Морено,— дал повод аргентинскому правительству отказаться от признания Советского правительства и продолжать принимать господина Штейна, старого царского посла, как представителя России»²². Разумеется, дело заключалось не в этом эпизоде, а в общем направлении политики аргентинского правительства, отказавшегося признать Советскую республику и поддерживать с нею нормальные отношения.

Несмотря на непризнание Аргентиной Советского правительства, ее политика нейтралитета вызывала недовольство держав Антанты, которые требовали, чтобы эта южноамериканская страна проводила антисоветский курс. Осенью 1919 г. они обратились к нейтральным странам, в том числе и к Аргентине, со следующими требованиями: а) отказывать в судовых документах всем судам, направляющимся в русские порты, находящиеся под контролем Советской власти; б) установить аналогичные меры в отношении всех товаров, отправляемых в Советскую Россию; в) отказывать в паспортах лицам, направляющимся в Советскую Россию или приезжающим из нее; г) запретить банкам деловые связи с Россией; д) запретить телеграфные, радио- и почтовые сношения с Россией²³. Впрочем, Аргентина и так не поддерживала торговых, деловых и культурных отношений с Советской Россией, которые были прерваны после Октябрьской революции и возобновились только в 20-х годах.

Не признав Советскую Россию, Аргентина признала, однако, 15 сентября 1919 г. меньшевистскую Грузию, а 3 мая 1920 г.— дашнакскую Армению²⁴. В обоих случаях была применена формула: «признала существование государства». Ни в одном из посланий Иригойена к Национальному конгрессу страны, ни в одном из его выступлений эти факты никак не комментировались (так же как и в аргентинской исторической литературе). Объяснение этому следует искать в том, что политика правительства Аргентины в данном вопросе фактически перекликалась с политикой держав Антанты и США, направленной на расчленение России. Нельзя не учитывать при этом, что на внешнюю политику Аргентины большое влияние оказывало то обстоятельство, что Англия занимала тогда господствующие позиции в экономике Аргентины.

Еще больший интерес представляют дальнейшие шаги Аргентины в этом направлении. 5 февраля 1921 г. она признала Украину, а 13 мая 1921 г.— Армению²⁵ (опять же как государства), хотя в 1921 г. и Украина и Армения уже были советскими социалистическими республиками. По-видимому, объяснение этому шагу надо искать в общем направлении внешней политики, которого придерживалось правительство Иригойена во второй половине его президентства, когда в ней наметились определенные антиимпериалистические тенденции, стремление к укреплению независимости и суверенитета страны. В 1921 г., когда Поволжье

²¹ Д. Л. Голиков. Крах вражеского подполья. М. 1971, стр. 191; А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 79—80. В связи с этим эпизодом нуждается в уточнении утверждение авторов главы IX «Очерков истории Аргентины» о том, что «к чести правительства Иригойена следует отнести, однако, то, что его дипломатические представители в России в 1917—1918 гг. остались «нейтральными» и не загрязнили себя враждебной связью с контрреволюцией» («Очерки истории Аргентины». М. 1961, стр. 300).

²² I. R. Moreno. Historia de las relaciones exteriores argentinas (1810—1955). Buenos Aires. 1961, p. 417.

²³ «Crítica» (Buenos Aires), 10.IX.1926.

²⁴ H. Yrigoyen. Pueblo y gobierno. Vol. IV. Buenos Aires. 1956, p. 204.

²⁵ Ibid., pp. 237, 260.

постигли засуха и голод, Иригойен обратился с посланием к конгрессу Аргентины, в котором просил оказать помощь русскому народу путем предоставления займа в 5 млн. песо. «Тяжелое несчастье,— говорил Иригойен,— постигло всю Россию... Аргентинская республика, всегда движимая высокими и благородными стремлениями, не может остаться безучастной к этому тяжелому положению»²⁶. Однако это послание не было поддержано парламентом.

Таким образом, политика правительства Аргентины в отношении Советской страны в первые годы ее существования была не до конца последовательной. Оно так и не признало РСФСР, а в дальнейшем, несмотря на инициативу с советской стороны (известное интервью Г. В. Чичерина аргентинскому корреспонденту Альваресу дель Вайо в 1924 г.), не пошло на нормализацию дипломатических отношений с СССР. Они были установлены только в июне 1946 года. В этом сказались двойственность и непоследовательность позиции буржуазного правительства Аргентины, испытывавшего на себе давление международного империализма. Между тем изучение отношений Советской страны с Бразилией и Аргентиной в 1917—1921 гг. показывает, что уже тогда имелись возможности для нормального развития взаимных дипломатических и других связей. Советская сторона, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, прилагала соответствующие усилия к нормализации отношений с крупнейшими латиноамериканскими странами. К тому же призывали и прогрессивные силы и широкие народные массы как в этих, так и в других странах Латинской Америки.

Многие представители этих стран понимали, что общая нормализация советско-латиноамериканских отношений, несмотря на сопротивление сил реакции и империализма, неизбежна. Так, известный аргентинский общественный деятель и ученый Х. Инхеньерос писал в 1920 г. по поводу разгрома контрреволюции в России и укрепления Советской власти: «С этим непреложным фактом начинают уже считаться наиболее здравомыслящие правительства, как, например, английское, которое поддерживает с большевиками почти дипломатические отношения (в 1920 г. начались советско-английские торговые переговоры.— А. С.)... В скором времени с этим согласятся в силу необходимости и другие правительства, даже самые упрямые»²⁷. Такие настроения не были случайными. К лету 1920 г. после разгрома главных сил внутренней контрреволюции — деникинщины и колчаковщины — открывались благоприятные перспективы и для укрепления внешнеполитического положения молодого Советского государства. К тому же 16 января 1920 г. Верховный совет союзников принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, что, в сущности, означало снятие блокады Советской республики²⁸.

В связи с этим создавались определенные предпосылки и для развития советско-латиноамериканских связей, прежде всего в области торговли. Показательно, что уже в марте 1920 г. в проекте первой советской научной экспедиции в Южную Америку, помимо чисто научных задач, предусматривалось также «исследовать возможные условия возобновления торговых сношений России с богатыми странами Южной Америки». В проекте подчеркивалось: «Именно теперь, при современной международной обстановке, возобновление и дальнейшее развитие экономических отношений с Латинской Америкой может иметь для России первостепенное значение»²⁹. В мае 1920 г. В. И. Ленин знакомится с

²⁶ M. Gálvez. Biografías completas. Vida de Hipólito Yrigoyen. Buenos Aires. 1962, p. 277.

²⁷ J. Ingenieros. Los tiempos nuevos. Buenos Aires. 1950, p. 240.

²⁸ «История внешней политики СССР. Часть первая. 1917—1945». М. 1966, стр. 111.

²⁹ См. Б. В. Лукин. Первая программа советских научных исследований в Латинской Америке. «Латинская Америка», 1972, № 1, стр. 168.

предложением мексиканского консульства в Москве о том, чтобы наладить торговлю между Мексикой и РСФСР. «Мексика,— говорилось в нем,— не желая продавать свои изделия, товары и естественные богатства Америке, как стране, постоянно ее угнетающей, ныне вынуждена искать другие рынки для сбыта своих товаров. Россия является единственным выгодным для нее рынком, куда она может сбывать все свое производство». По указанию В. И. Ленина Наркомторгпром сообщил консульству о своем согласии начать торговые переговоры³⁰. Этот шаг Советского правительства, отвечавший национальным интересам Мексики, был сделан в тяжелый для нее период, когда страна испытывала серьезные экономические трудности и нажим со стороны США, связанный с некоторыми положениями мексиканской конституции 1917 г., урезавшими права американских нефтяных компаний.

Спустя три месяца, 10 августа 1920 г., официальный представитель РСФСР в США Л. К. Мартенс был назначен одновременно уполномоченным Наркомвнешторга в Центральной и Южной Америке. Эти шаги убедительно свидетельствовали о желании Советского правительства наладить торговлю со странами Латинской Америки, а затем приступить и к нормализации дипломатических отношений. Однако этот процесс несколько отсрочила высылка Мартенса из США, правящие круги которых были враждебно настроены к Советской России, а также борьба с белопольской интервенцией и Врангелем. Сказывалось и отсутствие традиций торговых отношений между Советской Россией и странами Латинской Америки.

Лучшие возможности для советско-латиноамериканского диалога стали складываться в следующем, 1921 г., когда капиталистический мир охватила послевоенная депрессия. Южноамериканские страны искали новые рынки для сбыта своих товаров и, естественно, обратились и к Советской стране. Одной из первых начала зондировать почву Бразилия. В телеграмме от 5 мая 1921 г. председатель делегации Российского общества Красного Креста в Праге Гиллерсон сообщил Г. В. Чичерину, что к нему явился бразильский консул для всей Средней Европы и просил разрешения приехать в Россию для получения правильной информации, а также «установления непосредственных торговых сношений»³¹. В ответной телеграмме Гиллерсону М. М. Литвинов 15 июня того же года писал: «Заявите бразильскому консулу, что дадим ему визы на въезд в Россию, когда получим возможность послать своего консула в Бразилию для получения правильной информации»³². Советская сторона готова была приступить к нормализации отношений с Бразилией на равных основаниях, начав с установления взаимных консульских связей. Однако бразильская сторона не ответила на это заявление.

Через несколько месяцев, в октябре 1921 г., новая попытка «навести мосты» была предпринята и Мексикой. 13 октября генеральный секретарь Профинтерна С. А. Лозовский сообщил В. И. Ленину о приезде в Москву представителя Мексиканской конфедерации труда. «Судя по всему,— писал Лозовский В. И. Ленину,— он имеет неофициальное поручение позондировать почву насчет установления дружественных отношений с Советской Россией»³³. В. И. Ленин дал указание Г. В. Чичерину обратить на это внимание.

С 1921 г. началась торговля Советской России с Аргентиной. В 1921 г. сумма советского импорта из этой страны составила 2 248 тыс. руб., а в 1921—1922 годах уже 15 704 тыс. рублей³⁴. В 1921 г. в Арген-

³⁰ М. Е. Сонкин. Окно во внешний мир. М. 1964, стр. 151.

³¹ «Документы внешней политики СССР». Т. IV. М. 1960, стр. 98—99.

³² Там же, стр. 180.

³³ Цит. по: «Ленинская внешняя политика Советской страны. 1917—1924». М. 1969, стр. 63.

³⁴ «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.». М. 1960, стр. 1087.

тине закупалась мука, в 1922 г.— пшеница и мука. Торговые операции с Аргентиной велись через АРКОС — советско-английское акционерное общество, созданное в 1920 году. В 1921 г. заинтересованность в торговле с Советской Россией выразила Куба. В декабре этого года на заседании Совета Труда и Оборона обсуждался вопрос о закупке сахара на Кубе. СТО принял решение: «а) Предложения и условия правительства Кубы, сделанные через Красина...— признать выгодными. б) Поручить НКВТ вести по этому делу срочные переговоры». В январе 1922 г. на заседании СТО вновь ставился этот вопрос, а после завершения переговоров кубинский сахар был закуплен³⁵.

10 июля 1921 г. правительство РСФСР обратилось по радио с нотой к целой группе государств, в том числе к Бразилии, Аргентине и Мексике. В ноте говорилось: «Российское правительство официально протестует не только против использования его фондов без его ведома (речь шла о попытке Лиги Наций использовать находившиеся за границей русские фонды для помощи белоземлякам.— А. С.), но также и против применения последних державами, образующими группировку, именуемую себя Лигой Наций, что является враждебным актом по отношению к Российской республике»³⁶.

В 1922 г. после Генуэзской конференции советско-латиноамериканские отношения стали принимать еще более конкретные очертания. К тому времени стало ясно, что Советская страна достигла сравнительно устойчивого мира, определенного хозяйственного укрепления на основе выработанной В. И. Лениным новой экономической политики. Это позволяло сосредоточить основные усилия на строительстве экономического фундамента социализма. Немаловажную роль должна была сыграть в этом деле и внешняя торговля. О ее значении В. И. Ленин, выступая 6 марта 1922 г. на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, говорил: «Нам торговля с капиталистическими странами... безусловно необходима», но и *«буржуазным странам надо торговать с Россией»*³⁷. Состоявшийся в том же месяце под руководством В. И. Ленина XI съезд РКП(б) в своих решениях указал на необходимость развития советской внешней торговли³⁸.

В связи с этим НКВТ РСФСР обратил специальное внимание и на развитие торговых отношений с латиноамериканскими странами. В первой половине июня 1922 г. для коллегии НКВТ была подготовлена докладная записка «К вопросу о торговых сношениях с Южной Америкой», в которой прежде всего отмечалось, что торговля с южноамериканскими странами — один из наименее разработанных вопросов в советской внешней торговле, что до Октябрьской революции торговля России со многими заморскими странами была монополизирована посредниками — Германией и Англией. Такое положение справедливо характеризовалось как ненормальное, приносящее убытки советской внешней торговле. «Ныне же,— отмечалось в записке,— национализация внешней торговли требует и соблюдения всех выгод для народного хозяйства». Далее подчеркивалось, что если страны Азии и Африки являются колониями европейских держав, что затрудняет торговлю с ними, то в ином положении находятся государства Латинской Америки, которые «в последнее время переживают период... экономического развития и подъема и стремятся эмансипироваться от былой зависимости. Политически эти республики независимы от Антанты и Северной Америки; ненавидеть Россию они, казалось бы, не имеют оснований»³⁹. В записке проводилась мысль о

³⁵ Цит. по: «Ленинская внешняя политика Советской страны. 1917—1924», стр. 64.

³⁶ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 219.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 2, 3.

³⁸ «XI съезд РКП(б). Стенографический отчет». М. 1961, стр. 539—540.

³⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 413, оп. 18, ед. хр. 27, лл. 124, 125.

необходимости развертывания прямой торговли с латиноамериканскими странами.

26 июня 1922 г. состоялось заседание коллегии НКВТ под председательством наркома внешней торговли Л. Б. Красина. Шестым пунктом повестки дня стоял подготовленный на основе упомянутой выше записки вопрос «О торговых сношениях с Южной Америкой». По нему было принято решение: «Поручить АРКОСу выяснить возможность участия РСФСР на выставке в Рио-де-Жанейро и вступления в торговые сношения с Южной Америкой»⁴⁰. Так впервые с советской стороны было рассмотрено и принято на правительственном уровне специальное решение о развертывании торговли со странами Латинской Америки. Исполнение его было возложено на АРКОС, видимо, потому, что последний уже имел контакты с латиноамериканскими деловыми кругами, в частности аргентинскими, а также удобное для налаживания необходимых связей месторасположение (Лондон). Комментируя это решение НКВТ, «Правда» 14 июля 1922 г. в статье «Наши экономические перспективы в Южной Америке» отмечала, что «это — начинание, сулящее нам значительные экономические выгоды... Не менее важны и политические последствия такого выступления».

Несколько позднее Экономическое управление НКВТ на основе принятого 26 июня решения коллегии разработало для практического руководства развернутую справку «О перспективах торговых сношений с Южной Америкой». В ней прежде всего отмечалась желательность участия РСФСР в международной выставке в Рио-де-Жанейро, проводившейся в 1922 г. в связи со столетием независимости Бразилии. В случае, если активное участие в выставке почему-либо окажется невозможным, предлагалось послать в бразильскую столицу либо выставку образцов советских товаров, либо специальную комиссию для обследования рынка и установления деловых контактов. Далее предлагалось обратить внимание на Аргентину как поставщика мяса. Отмечалось, что и другие латиноамериканские товары (дубильные вещества, каучук, кофе, какао, селитра, кожсырье, тонкая шерсть) представляют «для нас длительный, постоянный интерес». Ближайшая задача Внешторга, говорилось в справке, — «выявить возможность установления непосредственных закупок в странах-производителях», то есть устранить избыточное посредничество. Ставился также вопрос о развитии советского экспорта в Южную Америку. В числе возможных товаров назывались лес, фанера, нефтепродукты, лекарственные и технические растения, кустарные художественные изделия и т. д. В заключение справедливо подчеркивалось, что «в области практических шагов в деле торгово-экономического сближения с Южной Америкой до сих пор сделано еще очень мало. Детальное изучение рынков откроет, может быть, еще новые, гораздо более широкие виды на будущее»⁴¹.

Процесс налаживания отношений со странами Латинской Америки не был односторонним. 1922 год показал, что латиноамериканские государства проявляют все больший интерес к развитию отношений с Советской страной. Заинтересованность в поставках мяса и жиров в Россию проявило аргентинское правительство. Об этом сообщал в ноябре В. И. Ленину полпред РСФСР в Германии Б. С. Стомоняков. В декабре 1922 г. посланник Уругвая в Германии С. Гуарч в беседе с полпредом РСФСР сказал, что уругвайское правительство намерено послать в Россию «продовольственную мясную посылку» — около 50 т консервированного мяса. По мнению посланника, «это пожертвование исходит от уругвайских промышленников, а правительство является лишь передаточной инстанцией». Конечно, этот шаг уругвайских деловых кругов объ-

⁴⁰ Там же, ед. хр. 26, л. 83.

⁴¹ Там же, оп. 4, ед. хр. 563, лл. 1—3.

яснялся не альтруистическими соображениями, а означал попытку прозондировать почву относительно возможностей наладить торговлю с Советской страной. Гуарч сообщил также советскому полпреду, что он возбуждал вопрос о заключении торгового договора между Уругваем и Россией и этот проект находится на рассмотрении парламента⁴².

К 1922 г. относится и первое предложение с латиноамериканской стороны к РСФСР о взаимном обмене дипломатическими представителями. Оно исходило от посланника Панамы в Германии Ариаса и было высказано им 5 октября в беседе с советским полпредом. В ответе панамскому посланнику Советское правительство заявило, что «готово немедленно обменяться взаимно дипломатическими представителями». Однако оно справедливо поставило условием, что «установлению дипломатических отношений будет предшествовать признание Республики Панамой де-юре Российского Советского правительства»⁴³. Панамское правительство, чья внешняя политика зависела от США, не решилось на такой шаг. Принципиальное отношение Советского правительства ко всем такого рода предложениям оставалось, однако, положительным. Как отмечал в октябре 1922 г. Г. В. Чичерин, «мы должны говорить со всеми, каждого выслушивать, интересоваться... развитием Мексики и Южноамериканских республик...»⁴⁴. В 1922 г. имели место и другие факты советско-латиноамериканских контактов. Так, в ноябре полпред РСФСР в Германии выразил глубокое соболезнование посланнику Чили Саньярту в связи с постигшим его страну землетрясением. В ответном письме Саньярту с признательностью писал: «Я непременно доведу до сведения народа Чили чувства, которые Вы выразили мне от имени русского народа, который сам перенес так много страданий»⁴⁵.

Весной 1923 г. НКВД РСФСР заявил правительствам Аргентины и Мексики решительный протест по поводу того, что в этих странах продолжали действовать дипломатические представители царского, а затем Временного правительств Е. Ф. Штейн и Вендхаузен-Розенберг. Правительство Мексики согласилось с правотой и обоснованностью советского демарша⁴⁶, в то время как Аргентина продолжала признавать Штейна. В советских нотах отмечалась готовность установить дипломатические отношения с обеими странами.

Контакты Советского правительства по дипломатическим каналам в 1921—1923 гг. с Бразилией, Панамой, Чили, Мексикой и Аргентиной хотя и не привели к установлению дипломатических отношений с этими странами, способствовали, однако, установлению связей и налаживанию определенного взаимопонимания (например, с Мексикой). Предвидение В. И. Ленина, высказанное им в последней речи на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г., что «экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно»⁴⁷, оправдывалось. Действительно, уже в следующем, 1923 г. начались советско-мексиканские переговоры об установлении дипломатических отношений между обеими странами.

Мексика стала первой страной в Латинской Америке, признавшей СССР. К этому реалистическому шагу ее побудили в основном три причины. Первая из них состояла в том, что, несмотря на восстановление в августе 1923 г. дипломатических отношений с США и устранение (по крайней мере на тот период) непосредственной угрозы американской интервенции, Мексика по-прежнему испытывала давление со стороны северного соседа, а также Англии, враждебно воспринявших итоги бур-

⁴² «Документы внешней политики СССР». Т. V. М. 1961, стр. 57, 665.

⁴³ «Документы внешней политики СССР». Т. VI. М. 1962, стр. 81.

⁴⁴ «Известия», 7.X.1922.

⁴⁵ «Документы внешней политики СССР». Т. V, стр. 685.

⁴⁶ «Документы внешней политики СССР». Т. VI, стр. 230, 231.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 301.

жуазно-демократической революции 1910—1917 гг. в Мексике, ограничивавшей интересы американских и английских собственников и компаний в этой стране. Это давление шло как по политическим, так и по экономическим каналам. Естественно, что в этих условиях мексиканское правительство старалось укрепить свое международное положение и внешнеполитические позиции перед лицом империалистических держав. Во-вторых, Мексика, стремясь к укреплению своего экономического положения, хотела еще в 1920 г. наладить торговые связи с Советской Россией. Об этом заявляли официальные представители Мексики. Так, во время встречи в Берлине в октябре 1923 г. с полпредом СССР посланник Мексики в Германии Кастильо говорил: «Генерал Обрегон (тогдашний президент Мексики.— А. С.) стремится к сближению с Россией. Мексика заинтересована в этом и экономически, т. к. Россия последнее время закупает некоторые товары, производящиеся в Мексике... Но покупает не непосредственно в Мексике, а через посредников. Лучше было бы, выгоднее для обеих сторон установить непосредственные связи»⁴⁸. Наконец, весьма существенной причиной, повлиявшей на решение мексиканского правительства, послужили требования трудящихся, всех прогрессивных сил страны нормализовать отношения с СССР. Народ Мексики, в течение многих лет борющийся против внутренней реакции и империализма, естественно, питал глубокие симпатии к народам Советской России, выступавшей в защиту свободы и независимости колониальных и зависимых стран. Еще в феврале 1918 г. вождь крестьянства Мексики Э. Сапата подчеркивал, что «дело революционной Мексики и России представляет дело всего человечества, высшие цели всех угнетенных народов»⁴⁹.

Выступления в Мексике за признание Советского Союза становились все более настойчивыми, и к ним не могли не прислушаться правящие круги страны. «Мексиканское правительство,— отмечал делегат Мексики на V конгрессе Коминтерна Штирнер,— желая укрепить свой авторитет среди широких трудящихся масс Мексики, сочло, что лучшее средство для этого — признание СССР»⁵⁰.

Первый контакт представителей СССР и Мексики по поводу установления отношений состоялся в США в сентябре 1923 года. Неофициальный представитель НКВД СССР в США Сквирский сообщил 10 сентября Г. В. Чичерину, что обе стороны «согласились о необходимости создания нормальных советско-мексиканских отношений». Спустя 4 дня в ответе Сквирскому Г. В. Чичерин подчеркнул: «Мы всегда заявляли, что готовы на взаимное признание»⁵¹,— и предложил вести переговоры в Берлине, где имелись советское полпредство и мексиканская миссия. Переговоры начались в Берлине в октябре 1923 г. и прошли несколько стадий⁵². На первой из них президент А. Обрегон предложил обменяться торговыми миссиями, из чего, как он считал, «разовьются дипломатические отношения». На последней, 1 июля 1924 г., обе стороны согласились «приступить немедленно к назначению посланников»⁵³. В это время уже началась полоса широкого дипломатического признания СССР. 4 августа того же года мексиканское правительство дало агреман первому полпреду СССР в Мексике С. С. Пестковскому и одновременно запросило согласия советской стороны на кандидатуру своего посланника Б. Вадильо. 4 августа 1924 г. были официально установлены советско-мексиканские дипломатические отношения.

⁴⁸ «Документы внешней политики СССР». Т. VI, стр. 479.

⁴⁹ «El Demócrata» (México), 8.XI.1924.

⁵⁰ «Известия», 12.VII.1924.

⁵¹ «Документы внешней политики СССР». Т. VI, стр. 437, 443.

⁵² Подробнее о них см.: А. И. Сизоненко. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений (1924—1970 гг.). М. 1971, стр. 20—22.

⁵³ «Документы внешней политики СССР». Т. VI, стр. 478; т. VII. М. 1963, стр. 393.

Это важное событие с удовлетворением было встречено как в Мексике, так и в СССР. В интервью корреспонденту ТАСС генерал П. Кальес, избранный новым президентом страны и приступавший к исполнению своих обязанностей с 1 декабря 1924 г., заявил: «Я глубоко удовлетворен недавним установлением дипломатических отношений между Мексикой и СССР. Надеюсь, что с каждым днем все больше будет расти сближение и взаимопонимание между советским и мексиканским народами»⁵⁴. Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин в своей речи при приеме им верительных грамот у Б. Вадильо сказал: «Народы СССР с глубоким интересом следят за героической борьбой трудящихся масс и правительства Мексики за самостоятельное и лучшее будущее. Всякий их успех в этой борьбе встречает живой отклик в сердцах трудящихся масс СССР. Я глубоко уверен, что чувства взаимной дружбы и симпатии, существующие между народами обеих стран, найдут свое отражение в дальнейшем развитии и укреплении культурных и деловых связей между Соединенными Штатами Мексики и СССР»⁵⁵.

Установлением отношений с Мексикой было прорвано еще одно звено дипломатической блокады СССР, организованной империалистическими державами. Этот шаг советского и мексиканского правительств способствовал сближению народов обеих стран, укреплению их международных позиций. Отношения были установлены на принципах полного равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Нормализация отношений с Мексикой явилась значительным достижением ленинской внешней политики.

Советское правительство продолжало выступать за установление таких же отношений и с другими латиноамериканскими государствами. Исключительно важную роль в этом плане сыграло интервью наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина специальному корреспонденту крупнейшей аргентинской газеты «La Nación». «Мы,— заявил Г. В. Чичерин,— были бы весьма удовлетворены возобновлением отношений с Аргентиной и со всеми странами Южной Америки. Инициатива любой южноамериканской страны в этом направлении встретилась бы с нашей стороны взаимопонимание и поддержку». Далее он отметил, что «возобновление отношений Аргентины с Советским Союзом отвечало бы интересам как Советского Союза, так и Аргентины»⁵⁶. Это заявление, получившее широкий резонанс во многих странах Латинской Америки, не только подтверждало стремление СССР развивать отношения с латиноамериканским регионом, но и открывало широкие двери для тех стран, которые желали сотрудничать с Советским Союзом.

В 1923—1924 гг. торговля СССР с Латинской Америкой продолжала постепенно развиваться. После Аргентины к ней подключились Куба, Бразилия, а затем и Мексика. Советские организации руководствовались рекомендациями НКВТ, выработанными в 1922 г., и стремились к укреплению прямых связей с деловыми кругами стран Латинской Америки. Особенно благоприятные возможности для этого открылись после прибытия в 1925 г. в Буэнос-Айрес советских представителей Амторга и основания в 1927 г. смешанного общества Южамторг с преимущественным советским капиталом.

1917—1924 гг.— первоначальный этап в истории советско-латиноамериканских отношений, завершившийся признанием Советского Союза Мексикой, первой из стран Западного полушария, сделавшей этот важнейший шаг. После этого начинается новый период в развитии советско-латиноамериканских отношений.

⁵⁴ «El Demócrata», 18.IX.1924.

⁵⁵ «Известия», 20.XI.1924.

⁵⁶ «La Nación» (Buenos Aires), 24.VI.1924.